

3. Санталов А. И. Теоретические вопросы уголовной ответственности. Л., 1982. С. 15.
4. Курляндский В. И. Уголовная ответственность и меры общественного воздействия. М.: Юрид. лит-ра, 1965. С. 4.
5. Карпушин М. П., Курляндский В. И. Уголовная ответственность и состав преступления. М.: Юрид. лит-ра, 1974. С. 29.
6. Карпушин М. П., Курляндский В. И. Уголовная ответственность и состав преступления. М.: Юрид. лит-ра, 1974. С. 30.
7. Белов М. Н. Правоотношения в уголовном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2002. С. 9.
8. Тарбагаев А. Н. Пределы уголовной ответственности // Вопросы уголовной ответственности и наказания: Межвузовский сборник. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1986. С. 61–63.
9. Самощенко И. С., Фарукшин М. Х. Ответственность по советскому законодательству. М., 1971. С. 66–69.
10. Ткачевский Ю. Уголовная ответственность // Уголовное право. 1999. № 3. С. 38–39.
11. Тарбагаев А. Н. Пределы уголовной ответственности // Вопросы уголовной ответственности и наказания. Межвузовский сборник. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1986. С. 61–63.
12. Ретюнских И. С. Уголовная ответственность и ее реализация по советскому законодательству // Уголовная ответственность: проблемы содержания, установления, реализации. Воронеж, 1989. С. 114.
13. Ной И. С. Сущность и функции уголовного наказания в советском государстве. Саратов, 1973. С. 39.
14. Бойцов А. И. Содержание уголовной ответственности // Вопросы уголовной ответственности и наказания: Межвузовский сборник. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1986. С. 72.
15. Пионтковский А. А. Курс советского уголовного права: В 6 т. Т. 3. М., 1970. С. 8–12.
16. Трухин А. Понятие и виды уголовной ответственности // Уголовное право. 2000. № 7. С. 15.
17. Лукьянов В. А. Ответственность: философские и уголовно-правовые аспекты: Автореф ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. С. 21.
18. Карпушин М. П., Курляндский В. И. Уголовная ответственность и состав преступления. М.: Юрид. лит-ра, 1974. С. 29.

Надежда Ивановна КРАСНОЯРОВА —
доцент кафедры международного права
Института государства и права ТюмГУ,
кандидат юридических наук

УДК 341. 96:339

УСЛОВИЯ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ КОНТРАКТОВ О ПРИМЕНИМОМ ПРАВЕ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается юридическая техника изложения условий внешнеторговых контрактов о применимом праве.

The author considers how the conditions of foreign trade contracts on the implemented law should be presented from the point of view of legal accuracy.

Вопрос о достижении точных формулировок контракта о применимом праве остается актуальным для субъектов внешнеэкономической деятельности, так как в практике российских государственных арбитражных судов, иностранных государственных судов и в практике Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ (МКАС), зарубежных коммерческих арбитражей он признается узловым.

Обязательства, взятые на себя сторонами контракта (договора), регулируются не только собственно условиями договора, но и торговыми оговорками (о переходе рисков, распределении расходов, контокоррентной, об отзыве товара и др.), которые являются вставками в условия договора, действующими наряду, на равных правах с основным договором.

Оговорка о применимом праве, аналогично арбитражному соглашению, как свидетельствует судебная практика, независима от основного договора. Письменная договоренность сторон о выборе права создает правовые последствия, прежде всего, для самих контрагентов, регулирует материальные отношения между ними, в случае спора выбор права контролируется судом.

Не учитывает международные тенденции суждение о том, что расходится с теорией договора практика МКАС по признанию согласования истцом и ответчиком применимого права путем обмена иском заявлением и отзывом на иск [1], хотя в этих процессуальных документах содержится указание на конкретное право и адресатом получения документов стороны являются.

Признавая этот способ определения применимого права, МКАС как один из ведущих арбитражных центров в мире только содействует достижению единообразия в применении конвенционных норм.

При анализе деловых бумаг с информацией о выборе применимого права зарубежные суды также руководствуются объективными стандартами, содержащимися в ст. 8 Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров (Венская Конвенция 1980 г.). В частности, Верховный суд земли Франкфурт-на-Майне постановил, что применимость Венской Конвенции 1980 г. не исключается положением о выборе применимого права, содержащемся в счете истца, в котором указано, что все сделки «регулируются швейцарским правом». Поскольку Венская Конвенция 1980 г. является составной частью швейцарского права, по мнению суда, такое положение не могло привести к исключению Конвенции. Чтобы исключить ее применение, необходимо было бы сделать более конкретную ссылку на внутренний кодекс Швейцарии. Заметим, что по этому делу суд отклонил иск об уплате договорной цены за поставленный товар на том основании, что истец является неправомочным в силу того, что между истцом и ответчиком отсутствует договор [2], чем подтвердил оценку оговорки и применимом праве как самостоятельного соглашения.

Федеральный окружной суд США установил, что в документах покупателя говорилось о регулировании договора законами Калифорнии, тогда как в документах продавца было записано, что надлежащим правом, регулирующим договор, является право Британской Колумбии (Канада). Фактически документы не содержали четкой формулировки, исключающей применение Венской Конвенции 1980 г. Суд отметил, что в соответствии с пунктом Конституции США о верховенстве федерального права над правом штатов Конвенция имеет обязательную силу в Калифорнии и что Конвенция применяется в Британской Колумбии согласно законодательству этой провинции Канады [3].

Аналогичное резюме имеется в информационном письме Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 16.02.1998 г. № 29 «Обзор судебно-арбитражной практики разрешения споров по делам с участием иностранных лиц»: «Арбитражный суд при разрешении спора, вытекающего из внешнеэкономической сделки, регулируемой по соглашению сторон российским правом, но отношения по которой подпадают под действие международного договора, участником которого является Российская Федерация, руководствуется в силу п. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации (ст. 7 Гражданского кодекса Российской Федерации) нормами международного договора. Вопросы, не урегулированные международным договором, регулируются российским правом» [4].

Включение в контракт оговорки о применимом праве означает, что при исполнении в составе договорного правоотношения обязательств, возникающих из норм избранного права, стороны должны соотносить свои действия с нормами этого конкретного права. Однако при исполнении в составе договорного правоотношения обязательств, вытекающих из контракта, стороны должны соотносить свои действия с конкретными условиями контракта. При разрешении споров эти виды обязательств четко различаются. Например, МКАС признал, что удовлетворению подлежат требования об уплате пени и штрафа за задержку в открытии аккредитива в совокупности в размере 9% от его суммы как основанные на условиях контракта и не подлежат взысканию 5% годовых, квалифицированные диспозитивной нормой применимого закона в качестве неустойки за просрочку исполнения денежного обязательства (дело № 493/1993) [5].

Вместе с тем, МКАС не сохранил силу за технически и экономически опрометчивым положением контракта, так как при сопоставительном анализе условий контракта и общих принципов регулировавшей отношения по контракту Венской конвенции 1980 г. обнаружилось несоответствие поведения сторон правилам разумности (дело № 054/1999)[6]. Приоритет отдавался ясно сформулированным условиям контракта против общепринятой практики сторон, специальным детальным положением контракта против общей ссылки на базис поставки Инкотермс [7] как определенный тип организации внешнеторговых контрактов.

Избранная формулировка о применимом праве удостоверяет согласие сторон применять именно оговоренное в контракте право как совокупность, прежде всего, императивных и диспозитивных норм, типизирующих внешнеторговую связь. Вместе с тем, установление в контракте правил толкования ссылки на внутригосударственное законодательство как ссылки, в том числе, на любое изменение и введение в действие норм, не считаем излишним.

Поскольку применимое право не является единственным правовым регулятором договорных обязательств в международном торгово-экономическом обороте, взаимодействующим с нормативными установлениями применимого права, правовым регулятором обязательств сторон выступают «правилообразующие» [8] условия контракта, индивидуализирующие внешнеторговую связь.

Третьей взаимосвязанной правовой формой внешнеторговых отношений могут выступать источники негосударственного регулирования, глобализирующие внешнеторговую связь. При этом своды контрактного права отдают приоритет положениям контракта в регулировании обязательств сторон в случае противоречия общих принципов права контрактным условиям [9].

Поскольку совокупность обязательств из применимого права, контракта и субправовых документов составляет правоотношение международной купли-продажи, значительно точнее в части 1 ст. 1210 ГК РФ говорить о применении избранного сторонами права не к правам и обязанностям сторон по договору, а к **обязательствам** сторон в гражданско-правовом отношении с участием иностранных лиц [10].

Применимое право неоднозначно воздействует на содержание контракта. Императивными нормами применимое право оказывает решающее влияние на волеизъявление контрагентов при определении содержания контрактных обязательств, они входят в содержание контракта автоматически, предписывая не допускающую выбора модель поведения, например, при валютных расчетах. Диспозитивные предписания применимого права определяют обязательства контрагентов, если сторонами не обусловлены иные правила. Включаемые в контракт правила, отличные по содержанию от правил, сформулированных в диспозитивной норме, часто с ней «...полностью совпадают по структуре и способу изложения» [11]. Стороны вправе согласовывать индивидуальные условия внешнеторгового контракта, на содержание которых оказывают

влияние не нормы, а принципы права и/или принципы сводов договорного права. Предлагаем именовать такие условия *неоусловиями* внешнеторгового контракта.

Сделанный сторонами прямо выраженный, определенно вытекающий из договора, обстоятельств дела выбор применимого права будет признан действительным компетентной юрисдикцией. Комментируя подход МКАС при разрешении дела № 196/1997 [12] М. П. Бардина отмечает, что рамки применения избранного применимого права не подлежат изменению в дальнейшем в одностороннем порядке, в том числе «... истцом или ответчиком при подготовке правовой аргументации своих позиций, ... ни одна из них в одностороннем порядке не вправе заменить положения Конвенции нормами национального права» [13]. Не были приняты во внимание односторонние ссылки в исковом заявлении российского импортера на ст. 395 ГК РФ, когда при заключении контракта российское материальное право не определялось в качестве применимого и отношения по контракту на основе коллизионных норм регулировались индийским правом (дело № 182/1998) [14].

При свободе договора во внешнеэкономической сфере партнеры не связаны рамками внутригосударственного права. По делу № 347/1999 к отношениям по договору, заключенному 07.02.1999 г. между ирландской и венгерской фирмами, арбитражем признан выбор сторонами действующего законодательства Украины для регулирования по вопросам, не предусмотренным в договоре [15].

Выбор регулирующего права возможен согласно п. 1 ст. 1210 ГК РФ путем ссылки на право любого государства. Неизбежным следствием права сторон выбрать применимое право для отдельных частей контракта будет возможность выбрать право разных государств для одного контракта [16].

В литературе возможность подчинения контракта различным правовым системам получила разноречивую оценку. Иногда полагают, что «Достаточно большая диспозитивность норм материального права позволяет обойтись без этого приема» [17]. Однако анализ нормотворческой практики не дает оснований для такого вывода.

Во-первых, увеличение числа диспозитивных норм национальных кодексов не снимает проблему различий в правовых понятиях российского и иностранного права для участников внешнеторговых контрактов, когда еще до подписания контракта необходимо точно определить, в первую очередь, правовой массив контракта. Диспозитивные нормы любой системы национального права, в основном, отражают правовую действительность с учетом подходов, известных этой системе права. Не случайно авторы проекта Европейского гражданского кодекса в содержание его диспозитивных норм включают альтернативные подходы, взятые из различных систем права, применяют «... законодательный стиль, занимающий срединное положение между стилями континентального и общего права» [18].

Во-вторых, нельзя считать, что увеличение числа диспозитивных норм положительно влияет на защиту прав кредитора в обязательствах. Иностранное право некоторых стран вводит жесткий режим заключенных в результате насилия, незаконного физического принуждения, обмана договоров, признавая их ничтожными. Иные исходные посылки российского права в вопросе оспоримых сделок близки подходам Гражданского кодекса Квебека 1994 г., по ст. 1419 которого договор является «относительно действительным, если основанием для признания его недействительным являются пороки воли сторон или одной из них» [19]. При понятном усложнении правоприменительного процесса, если контракт подчиняется различным правопорядкам, определяющим фактором в выборе права должны быть интересы сторон как участников судопроизводства.

В обязательствах торгового характера с участием иностранных лиц юридическая технология в определенной мере способна реально обеспечить более справедливое разрешение споров и может быть дополнительным эффективным средством

защиты кредитора против должника. Профессиональные консультанты при юридическом оформлении контрактов заинтересованы в возложении на иностранного партнера обязательств по предоставлению сведений о содержании норм права государства иностранного участника в соответствии с их официальным толкованием, практикой применения и доктриной.

Иностранная деловая литература настойчиво предлагает определенные стандарты формулирования контрактных статей. Но такие рекомендации следует адаптировать к интересам российского партнера, а иногда отвергать, если они идут вразрез с правовой упорядоченностью контрактных обязательств. Характерен следующий фрагмент статьи контракта из разработки западного специалиста: «(Сторона 1) не несет ответственности за неисполнение любой нормы закона, если от должностного лица (Сторона 2) в устной или письменной форме она получила указание противоположного толка. (Сторона 2) согласна взять на себя всю ответственность за подобное указание и любые последствия, которые могут стать результатом упомянутого неисполнения» [20].

Анализ текстов контрактов на импорт товаров в РФ свидетельствует о том, что формулировки о применимом праве включаются в контракт, в основном, в редакции зарубежных партнеров.

Контракт от 15.06.2001 г. между российской организацией и поставщиком комплекта электросигнальных устройств противопожарной и охранной сигнализации определяет: «Договор должен толковаться и регулироваться в соответствии с принципами законодательства РФ и Израиля, общими принципами международного права, а в случае отсутствия таких общих принципов в соответствии с общими правовыми принципами, включая те, которые применяются международными трибуналами». Поскольку стороны в качестве применимого избрали законодательство двух государств одновременно, такое соглашение не будет признано судом. Отсылка к принципам международного права, общим принципам права, применяемым международными трибуналами, была свойственна договорам о концессиях между государством и частным лицом [21], поэтому неуместно ее включение в контракт между субъектами частного права.

МКАС не приняло во внимание (содержащееся в контракте на поставку оборудования из Германии) соглашение сторон о применении к их отношениям норм международного права ввиду его неопределенности и того факта, что отношения по контракту подпадают под действие Венской конвенции 1980 г. (дело № 356/1999) [22].

Действующий порядок в контракте от 10.12.2002 г. с фирмой Великобритании — поставщиком аккумуляторных сепараторов определен формулировкой: «Стороны руководствуются Венской Конвенцией 1980 г., а также действующим законодательством Англии и России в зависимости от места событий, к которым будут применены законодательные нормы». Очевидно, что стороны не конкретизировали обязательства, регулируемые законодательством России, и обязательства, регулируемые законодательством партнера. К тому же Великобритания не является участником Венской конвенции 1980 г. [23]. При подобных формулировках вопрос о применимом праве решается судом самостоятельно.

В практике МКАС формулировки о выборе в качестве применимого одновременно или альтернативно права двух государств рассматривались одинаково. Например, выбор права РФ и Италии (дело № 11/1996) [24]; законодательства РФ и страны покупателя (дело № 79/1997) [25]; действующего законодательства и соглашений РФ и Республики Узбекистан (дело № 73/1998) [26] расценивались как патологические, допускающие при толковании тройную вариантность. Поэтому спор, как правило, разрешался в случаях вышеназванных оговорок с учетом позиций ответчика в отзыве на иск и в процессе разрешения спора в суде. Положение

контракта с оговоркой об альтернативном применении права РФ или Польской Республики по делу № 216/2000 [27] также явилось основанием для определения применимого права самим судом.

Если формулировка охватывала применение материального права страны истца (дело № 174/1998) [28], такая оговорка рассматривалась коммерческим арбитражем как исключаящая применение права иного государства. Отражением осведомленности юридических консультантов зарубежных партнеров относительно подходов МКАС к оценке оговорок типа «право страны истца» можно считать следующее неопределенное положение контракта с поставщиком каротажного оборудования: «Применимое материальное право определяется по соглашению сторон или на основе норм, принятых в государстве истца». В формулировку «протацили» словосочетание «по соглашению сторон» и тем исключили эффект существования оговорки о применимом праве.

В контракте от 04.10.1999 г., заключенном российской организацией и фирмой из Швейцарии, содержится не совместимая с принципами Венской конвенции 1980 г. субсидиарность применения конвенционных норм в дословной формулировке: «Отношения сторон подчинены австрийскому законодательству в следующем порядке: 1) правила, изложенные в данном контракте и его приложении; 2) Австрийский кодекс обязательств; 3) Венская конвенция 1980 г., насколько она применима в данном случае и является безусловной».

Особое внимание следует обращать на соотносимость терминологии права страны поставщика с терминологией предлагаемого к избранию применимым права третьей страны, потому что формулировки об интерпретации контракта по законодательству Швеции часто включаются в импортные контракты.

Так, в контракте с фирмой (ФРГ) на поставку оборудования для переработки мясопродукции гарантийные обязательства поставщика определены через понятие «гарантированный тип ответственности» (*Gewährleistung* — § 462 Гражданского Уложения), когда за основные проявившиеся в оборудовании дефекты в период гарантийного срока продавец несет ответственность, а покупатель может потребовать снижения цены или расторжения договора [29]. Однако применимым к контракту избрано шведское законодательство. Средства защиты при дефектных поставках в шведском Законе о продаже товаров «обычно подменяются обязанностью продавца устранить недостатки. Причем на практике эта обязанность заменяет собой как аннулирование договора, так и возмещение убытков» [30]. Существующими в шведском законодательстве «оговорками об изъятии», которые позволяют уклониться поставщику от возмещения убытков, и объясняется причина обращения поставщика к законодательству третьей страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. См.: Толстых В. Л. Институт автономии воли: проблемы толкования статьи 1210 ГК РФ // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2003. № 6. С. 85.
2. См.: *Recht der Internationalen Wirtschaft (RIW)*. 2001. 383.
3. См.: 164 Federal Supplement. Sekond Serieux 1142; 2001 U. S. Dist. LEXIS 16000.
4. Комментарий судебно-арбитражной практики. Вып. 5. М.: Юрид. лит-ра, 1998. С. 242.
5. См.: Розенберг М. Г. Спор по вопросам, связанным с расчетами // Комментарий судебно-арбитражной практики. Вып. 2. М.: Юрид. лит-ра, 1995. С. 123–124.
6. См.: Розенберг М. Г. Венская конвенция 1980 г. в практике МКАС при ТПП РФ // Венская конвенция ООН 1980 г. о договорах международной купли-продажи товаров. К 10-летию ее применения Россией / Сост. М. Г. Розенберг. Изд. 2-е. М.: Статут, 2002. С. 29.
7. См.: Практика Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ за 1999–2000 гг. Сост. М. Г. Розенберг. М.: Статут, 2002. С. 186.

8. Хозяйственный договор. Общие положения: Учебное пособие. Свердловск: СЮИ, 1986. С. 42. Д. Н. Сафиуллин отмечает широкие возможности правилообразующих условий: установление отличных от предписаний диспозитивных норм правил; регламентирование не решенных в законодательстве вопросов; распространение на отношения сторон, регулирующих другие обязательства, правил путем заимствования отдельных приемов регулирования и элементов юридических конструкций.

9. См.: Статья 1.5. Принципов УНИДРУА — На русском языке опубликованы: Принципы международных коммерческих договоров / Пер. с англ. А. С. Комарова. М.: Международ. центр финанс.-эконом. развития, 1996. 328 с.; Часть 2, ст. 1: 102 Европейских принципов. — На русском языке дополненная и пересмотренная версия 1998 г. Принципов европейского контрактного права опубликована: Журнал международного частного права. 1999. № 1. С. 40–70.

10. О применении избранного права «к обязательствам сторон» упоминается в связи с анализом постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 07.06.2001г. № 3 «О практике рассмотрения хозяйственными судами Республики Беларусь дел с участием иностранных лиц» в статье В. Каменкова и Л. Козыревой «Иностранные лица в хозяйственных судах Республики Беларусь» // Вестник Высшего хозяйственного суда Республики Беларусь. 2002. № 1. С. 79.

11. Хохлов С. А. Техника договорной работы // Антология уральской цивилистики. 1925–1989: Сборник статей. М.: Статут, 2001. С. 219.

12. В решении по делу № 196 / 1997 МКАС расценил недопустимыми ссылки ответчика «одновременно на положения Конвенции и ГК РФ по вопросам, урегулированным в Конвенции» // Арбитражная практика Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ за 1998 г. / Сост. М. Г. Розенберг. М.: Статут, 1999. С. 196–198.

13. Бардина М. П. Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров и субсидиарное применение национального права // Государство и право. 2002. № 3. С. 61.

14. См.: Практика Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ за 1999–2000 гг. / Сост. М. Г. Розенберг. М.: Статут, 2002. С. 263.

15. См.: Практика Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ за 1999–2000 гг. / Сост. М. Г. Розенберг. М.: Статут, 2002. С. 312.

16. См.: Виноградова Р. И., Дмитриева Г. К., Репин В. С. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей / Под общей ред. В. П. Мозолина. М.: Норма, 2002. С. 345.

17. Толстых В. Л. Институт автономии воли: проблемы толкования статьи 1210 ГК РФ // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2003. № 6. С. 76.

18. Синявская М. Европейская интеграция и вопросы частного права // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2003. № 9. С. 137.

19. Гражданский кодекс Квебека. М.: Статут, 1999. С. 226.

20. Справочник по международным коммерческим контрактам (Referenpnce book on international commercial contracts) А. Т. Нортон / А. Т. Norton (Фрагменты) // Международное публичное и частное право. 2001. № 3. С. 62.

21. См.: Вилкова Н. Г. Договорное право в международном обороте. М.: Статут, 2002. С. 252.

22. См.: Практика Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ за 1999–2000гг. / Сост. М. Г. Розенберг. М.: Статут, 2002. С. 266.

23. Гагские конвенции 1964 г. (о Единообразном законе о заключении договоров международной купли-продажи товаров и о Единообразном законе о международной купле-продаже товаров) остаются в силе между тремя не участвующими в Венской конвенции 1980 г. государствами: Великобританией, Гамбией, Сан-Марино.

24. См.: Арбитражная практика за 1996–1997 гг. / Сост. М. Г. Розенберг. М.: Статут, 1998. С. 162, 165.

25. См.: Розенберг М. Г. Контракт международной купли-продажи. Современная практика заключения. Разрешение споров. 4-е изд. М.: Книжный мир, 2003. С. 92.

26. См.: Практика Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ за 1999–2000гг. / Сост. М. Г. Розенберг. М.: Статут, 2002. С. 67.

27. См.: Розенберг М. Г. Контракт международной купли-продажи. Современная практика заключения. Разрешение споров. 4-е изд. М.: Книжный мир, 2003. С. 93.

28. См.: Практика Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ за 1999–2000 гг. / Сост. М. Г. Розенберг. М.: Статут, 2002. С. 132.

29. См.: Германское право. Часть 1. Гражданское уложение: Пер. с нем. М.: Межд. центр фин.-эконом. развития, 1996. С. 97.

30. См.: Введение в шведское право / Пер. с англ.; Ответ. ред. Б. С. Крылов. М.: Юрид. лит-ра, 1986. С. 200.

Марина Олеговна ЛИЦ –
доцент кафедры международного права
Института государства и права ТюмГУ,
кандидат юридических наук
Ольга Владимировна КИСЛИЦИНА –
старший преподаватель кафедры
международного права
Института государства и права ТюмГУ

УДК 341

**ЗАЩИТА ПРАВ И ОСНОВНЫХ СВОБОД ЧЕЛОВЕКА
В МЕЖДУНАРОДНЫХ СУДЕБНЫХ ОРГАНАХ
(НА ПРИМЕРЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
И СУДА ЕВРОПЕЙСКИХ СООБЩЕСТВ)**

АННОТАЦИЯ. В статье проводится сравнительно-правовой анализ защиты прав и основных свобод человека в судебных органах Совета Европы и Европейского Союза. Характеризуются нормы международного и внутригосударственного права, механизм исполнения судебных решений.

The article suggests comparative and legal analysis of human rights and fundamental freedoms protection in the Council of Europe and European Union courts of justice. The appropriate standards and mechanism of adjudications execution are characterized.

Международный механизм защиты прав и свобод человека представляет собой систему межгосударственных органов, наделенных функциями международного контроля за деятельностью государств в сфере обеспечения прав человека. Характерной чертой контрольного механизма по правам человека является активное участие в этом процессе международных организаций (универсальных и региональных) и контрольных органов, созданных под их эгидой, а также действующих в рамках межгосударственных договоров по правам человека. Поскольку самым надежным и эффективным механизмом защиты прав и свобод является судебный механизм, предметом исследования стало рассмотрение вопросов о возможности защиты прав и свобод в судебных учреждениях Совета Европы и Европейского Союза, их сравнительный анализ.

Функционирующий в рамках Совета Европы Европейский Суд по правам человека [1] (далее – ЕСПЧ) является одним из наиболее эффективных межгосударственных органов, защищающих права и свободы индивида. Правовой основой организации и деятельности ЕСПЧ выступает Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., вступившая в силу для Российской Федерации 5 мая 1998 г. [2]. Кроме того, регламентация его статуса осуществляется специальными документами: шестым Протоколом к Генеральному соглашению о привилегиях и иммунитетах Совета Европы, определяющим привилегии и иммунитеты судей, и Правилами процедуры (Регламентом) Суда 1998 г. [3].